

НИКОЛАЙ РЕРИХ

Алтай — Гималаи

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 910.4
ББК 26.89(0)
Р42

Рерих Н.

Р42 Алтай — Гималаи / Николай Рерих. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 415 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-01751-2

Книга Н. К. Рериха — это путевой дневник, описывающий знаменитое Трансгималайское путешествие семьи Рерихов по Индии, Тибету и Средней Азии в 1923–1928 годах. Это глубокое погружение в культуру и историю Востока, бесценное собрание фактов духовной жизни Внутренней Азии, коллекция образцов народного творчества и уникальные этнографические заметки. Эта книга станет настоящим подарком для всех, интересующихся эзотерической духовной культурой Индии и Тибета.

УДК 910.4
ББК 26.89(0)

© Оформление.
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-01751-2

Глава I Цейлон — Гималаи

(1923–1924)

«Урус карош!» — кричит лодочник в Порт-Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!» Привет Востока!

Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама. Вот и «двенадцать апостолов» — причудливые островки. Вот и Джидда, преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии. На рифах торчат остовы разбитых судов. Черное море¹ умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недавно грозил и предупреждал ночью. Но теперь, зимою, Черное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы — Кория Мориа.

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы

¹ *Черное море* — название Красного моря в русских переводах Библии.

же договоримся наконец с Россией», — деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса.

Если обезображен Сфинкс Египта, то Сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел.

Древний Цейлон — Ланка Рамаяны¹. Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Полицейский — ирландец. Француз торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы чаевики, итальянец шофер. Где же, однако, сингалезы? Неужели все переехали в театры Европы?

Первые лики Будды и Майтрейи² показались в храме Келания около Коломбо. Мощные изображения хранятся в сумерках храма. Хинаяна³ гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной.

¹ «*Рамаяна*» — древнеиндийская эпическая поэма о Раме и о его войне с ракшасами (демонами-гигантами), в которой вместе с Рамой сражались обезьяны под предводительством Ханумана.

² *Майтрейя* — грядущий Будда, олицетворяющий собой чаяния всего буддийского мира, от Цейлона до ламаистских монастырей Сибири.

³ *Хинаяна* и *махаяна* — «малая колесница» и «великая колесница». Хинаяна — южная школа буддизма; махаяна — северная школа, распространенная помимо Северной Индии в Тибете, Монголии, Китае, Японии.

Обновленная большая ступа¹ около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо, и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване² и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени Учения. Кроме известных развалин, сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон — важное место.

Общие купания около кисло-сладкой горы Лавиния не являют царство гигантов древности. Тонкие пальмы стыдливо нагнулись к пене прибоя. Как скелеты, стоят фрагменты Анурадхапуры. По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Боробудур на Яве.

И опять неутомимо мелькают лица наших спутников-японцев, с которыми мы оплакивали останки каирских пирамид, перешедших из славной истории в паноптикум корыстного гида.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрыва-

¹ *Ступа* — монумент конической формы, воздвигаемый над останками Будды, архатов и других великих людей.

² *Хануман, Рама и Равана* — персонажи «Рамаяны». Хануман, царь обезьян, — верный соратник героя эпоса, Рамы, в его борьбе с Раваном, царем демонов, похитившим жену Рамы Ситу, что и явилось причиной этой великой войны. Глубокие параллели просматриваются между этим эпосом и «Илиадой».

ет свой лик Индия. Черные дравиды еще не напоминают Веды¹ и «Махабхарату»².

Пестрый Мадурай с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и сказатель Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий. Замысловатая каменная резьба храма раскрашена грубыми нынешними красками. Художник Сарма горюет об этом, но городской совет не послушал его и расцветил храм по-своему; Сарма горюет, что многое тонкое понимание уходит и заменяется пока безразличием. Предупреждает не ходить далеко в европейских костюмах, ибо значительная часть населения может быть враждебна. А в Мадуре все-таки один миллион жителей. Сарма расспрашивает о положении художников в Европе и в Америке. Искренно удивляется, что художники Европы и Америки могут жить своим трудом. Для него непонятно, что искусство может дать средства к жизни. У них — занятие художника самое бездоходное. Собирателей почти нет. Махараджи предпочитают иметь что-либо хоть поддельное, но иностранное, или вообще не имеют, заменяя продукты творчества аляповатыми побрякушками, или тратят тысячи на лошадей. Довольно безнадежны эти соображения о положении искусства.

Сам Сарма — высокий, в белом одеянии, с печально-спокойною речью, ждет что-то лучшее и знает всю тяготу настоящего.

¹ *Веды* — откровения или священные писания индийцев. Ведические тексты разделяются на две большие части: экзотерические — «раздел действий и трудов» и «раздел знания». В последний входят Упанишады.

² «*Махабхарата*» — великий индийский эпос, включающий в себя «Бхагавадгиту».

Часто жалуются в Индии на недостаток сил. Говорят, что тем же страдает школа Рабиндраната Тагора в Больпуре. Недавно, в 1923 году, школа понесла тяжёлую утрату. Умер друг дела Пирсон; помните его прекрасную книжечку «Заря Востока»? Было в школе несколько приезжих хороших ученых, но их влияние было кратковременным. Профессор С. Леви жаловался, что состав слушателей не отвечал его курсу. Индусы боятся за дальнейшую судьбу школы Тагора. Они говорят: покуда поэт жив, он может давать на это дело личные средства и личным воздействием доставать вспомоществование от махараджей и навабов¹. Но что будет, если дело останется без руководителя и без притока средств?

С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке удавалось видаться в Нью-Йорке, а Юрию — в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились. Мы не могли поехать в Больпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Бывали многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе достаточно упомянуть его имя, ибо все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проездили три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских, и лавочников, и прохожих *бабу*² посылала нас в самые различные закоулки. Наконец на нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы наконец сами припомнили название улицы, Дварканат-стрит, где дом Тагора.

¹ *Наваб* — титул правителей областей Индии.

² *Бабу* (индустани) — образованный человек.

Передавали, что, когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутация от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!

Мы встретили родственников нашего друга Тагора. Абаниндранат Тагор, брат Рабиндраната, — художник, глава бенгальской школы. Гоганендранат Тагор, племянник поэта, — тоже художник, секретарь бенгальского общества художников. Теперь он подражает модернистам. Хороший художник Кумар Халдар, теперь он директором школы в Лакхнау. Трудна жизнь индусских художников. Надо много решимости, чтобы не покинуть этот тернистый путь. Привет художникам Индии! Отчего во всех странах положение ученых и художников так необеспеченно?

Тернист путь и индусских ученых. Вот у нас на глазах борется молодой ученый Боше Сен, биолог, ученик Д. Боше. Он организовал свою лабораторию имени Вивекананды. В его тихом домике над лабораторией помещается комната, посвященная реликвиям Рамакришны, Вивекананды и других учителей этой группы. Сам Б. Сен — ученик близкого ученика Вивекананды — несет в жизнь принципы Вивекананды, бесстрашно звавшего к действию и познанию. В этой верхней светелке Б. Сен собирается с мыслями, окруженный вещами, принадлежавшими его любимым водителям. Запомнился ярко портрет Рамакришны и его жены. Оба лица поражают своею чистотою и устремленностью. Мы посидели в полном молчании у этого памятного очага. Привет!

Тут же, в Калькутте, недалеко за городом два памятника Рамакришны. На одном берегу Дакшинесвар — храм, где долго жил Рамакришна. Почти напротив, через реку, — Миссия Рамакришны, усыпальница самого